

СИЛУЭТЫ.

(Листки изъ записной книжки).

I.

Орловская гимназія четверть вѣка назадъ.—Грѣхъ, за который не прощались.—Директоръ А. В. Гриценковъ.—И. М. Бѣлоруссовъ.—Преподаватели. Графъ Деяновъ на урокъ.—Н. А. Вербицкій.

ПИСАТЕЛЬ Л. А. Андреевъ написалъ въ январскомъ номерѣ 1903 г. «Журнала для всѣхъ», что учился онъ въ орловской (первой) гимназіи и самымъ приятнымъ, проведеннымъ въ ней временемъ, о которомъ онъ вспоминаетъ съ удовольствіемъ, были перерывы между уроками, такъ называемыя перемѣны, а также тѣ, рѣдкіе, впрочемъ, случаи, когда его «выгоняли» изъ класса. И все. Между тѣмъ объ орловской классической гимназіи можно сказать больше. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ минувшаго вѣка она представляла собою великолѣпный типъ школы, какая не мерещилась и менѣе всего была желательна министрамъ народнаго просвѣщенія отъ графа С. С. Уварова до графа И. Д. Деянова. Директоромъ ея въ ту пору былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Владимировичъ Гриценковъ, точнѣе: Гриценко, но еще Гоголь отмѣтилъ страсть земляковъ прибавлять къ фамиліи на «о»—въ, т. е. передѣлываться изъ малоросса въ великоросса. Гриценковъ, носитель выхоленной à l'anglais сѣдой бороды, безшумно появлялся «на молитву» въ рекреационной залѣ, пропуская мимо себя ряды

гимназистовъ поклассно и безшумно удалялся въ свой кабинетъ или изъ гимназіи. Должно быть, онъ былъ весьма заслуженный педагогъ и воспитатель, потому что въ школьныхъ стѣнахъ вся и всѣми командовалъ ревностный инспекторъ-чехъ Мартинъ Мартиновичъ Долежелъ, котораго смѣнилъ тоже чехъ Конрадъ Конрадовичъ Грече, а этого опять-таки чехъ Иванъ Ивановичъ Гавелька, выслужившій пенсію и уѣхавшій въ Прагу, откуда онъ корреспондировалъ въ «Московскія Вѣдомости». Министромъ народнаго просвѣщенія недавно назначенъ былъ Иванъ Давидовичъ Деляновъ, про котораго армяне говорили: «Удивительный человекъ! Армянинъ и живетъ въ домѣ армянской церкви, армяне же не терпятъ, какъ сверчокъ сургучнаго запаха». Новое назначеніе не внесло ничего свѣжаго въ затхлую атмосферу «классической» школы, гдѣ со временъ Д. А. Толстого вплоть до 1890 года царили древніе языки на счетъ другихъ предметовъ, безъ пользы для отечественнаго прогресса, но на пользу учителямъ-чехамъ. Тогда казалось, что безъ чеховъ нѣтъ намъ спасенія, хотя вся прелесть преподаванія ихъ заключалась именно въ неумѣньѣ передать свои знанія ученикамъ и внушить имъ любовь къ языкамъ Гомера и Цицерона. Старики говорятъ, что этимъ секретомъ обладаетъ московская женская гимназія С. Н. Фишеръ. И только? Повидимому. Ибо въ эпоху расцвѣта классицизма даже «катковскій» лицей показалъ себя съ отрицательной стороны. Не помню, кто именно, Поссартъ или Барнай, пріѣхалъ на гастролы въ Москву, и очарованные игрою нѣмецкаго трагика лицеисты поднесли ему лавровый вѣнокъ съ латинскими надписями на лентахъ. Выдающійся театральнѣйшій критикъ, теперь покойный, С. В. Флеровъ увидѣлъ эти надписи въ уборной гастролера и «обомлѣлъ»: такъ безграмотно были составлены эти надписи. Списалъ слово въ слово и преподнесъ Каткову, въ газетѣ котораго онъ и сотрудничалъ. Катковъ всплеснулъ руками. Правда, что нѣмецкій трагикъ повезъ въ Германію ленты съ настоящимъ *lingua Latina*, да былъ-то былью остается.

Итакъ, хотя Деляновъ былъ не Д. Толстой, однако толстовскій духъ жилъ попрежнему въ средней школѣ, и чехи командовали, облеченные всей полнотою власти. Мартинъ Мартынычъ былъ грозой гимназіи, и гроза эта разряжалась слишкомъ часто въ атмосферѣ, еще въ толстовскія времена насыщенной сыскомъ и доносами. Съ учениками не церемонились. Исключали изъ гимназіи за проступки, которые теперь чуть что не узаконены, по крайней мѣрѣ, не влекутъ за собою наказанія,—напримѣръ, куренье табаку; въ памяти моей навсегда запечатлѣлась тяжелая сцена: едва не до истерики дошедшій пятиклассникъ Мионовъ на колѣняхъ умоляетъ простить его... больше онъ не будетъ курить... и Мартинъ Мартынычъ, мечущій громъ и молнію. «По-

щады быть не можетъ! Ты будешь исключень, ты будешь!...» Дѣйствительно, педагогическій совѣтъ рѣшилъ... и т. д... Миронова исключили. Молодая жизнь искалѣчена и скоро прекратилась. И. М. Снегиревъ передаетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», что Анна Іоанновна велѣла повѣсить предъ окнами повара, который подалъ ей къ блинамъ прогорклое масло. Предъ такою рѣшительностью строгость орловскихъ педагоговъ была, конечно, ничто, въ сравненіи, но тѣмъ не менѣе вольный духъ хорошъ и не только на кухнѣ.

Несмотря на строгости, орловская гимназія стояла невысоко и долго потомъ еще значилась въ хвостѣ; помнится, рядомъ съ ней стояла елецкая. Изъ нашей переходъ возможенъ былъ или въ елецкую, или въ новгородъ-сѣверскую «alma mater», если не считать чугуевского юнкерскаго училища, слышавшаго тогда у насъ «Сморгонской академіей», хотя отъ Чугуева до Сморгони—дистанція огромнаго размѣра, да и никакой сморгонской академіи никогда не существовало, «сморгонскими же академиками» называли обучавшихся тамъ разнымъ колѣнцамъ медвѣдей. Ихъ водили потомъ по Россіи и даже за границей; одного такого почтеннаго сморгонца я видѣлъ на Дунаѣ, въ Галацѣ.

Въ 1884 году Гриценкова смѣнилъ Иванъ Михайловичъ Бѣлоруссовъ, извѣстный составитель распространенныхъ учебниковъ по русской грамматикѣ, теоріи словесности, дѣятельный сотрудникъ «Филологическихъ Записокъ», «Русскаго Филологическаго Вѣстника» и страстный почитатель Пушкина, надъ опредѣленіемъ поэтической личности котораго съ педагогической точки зрѣнія Ив. Мих. довольно поработалъ. Бѣлоруссовъ, воложанинъ родомъ, уже и въ бытность директоромъ гимназіи сохранялъ въ говорѣ мѣстные оттѣнки. Тонкій филологъ, знавшій великолѣпно все изгибы и особенности латинскаго и греческаго языковъ, онъ истинно оживлялъ ихъ на урокахъ и какъ онъ умѣлъ сблизать ихъ съ отечественнымъ! Врагъ засоренія русскаго языка иностранными словами, онъ преслѣдовалъ гимназистовъ, любителей «газетно-русской рѣчи», далекій, разумѣется, отъ замѣны, напри- мѣръ, «бильярда» — шарокатомъ или «массажиста» — пузодавомъ. Его уроки, безразлично—латинскаго, греческаго или русскаго языковъ, отличались содержательностью, бодрымъ настроеніемъ и захватомъ. Способъ обученія былъ новъ; по крайней мѣрѣ, намъ казался новымъ, а именно: ученикъ овладѣвалъ предметомъ въ классѣ, такъ что дома не приходилось маяться и зубрить часами. Греческій синтаксисъ Канскаго доводилъ до отчаянія, до такого безысходнаго отчаянія, до какого итальянскихъ мелодистовъ доводитъ «Кольцо Нибелунговъ». Директоръ-преподаватель выварилъ экстрактъ изъ ненавистной книги и представилъ его на нѣсколькихъ листахъ писчей бумаги. Ужас-

ные греческіе условные періоды стали и ясны, и просты, и какъ они съжились въ изложеніи талантливаго учителя! Имѣя бѣлоруссовскій конспектъ, мы примирились и съ Канскимъ, и съ Гомеромъ... Впослѣдствіи, когда я стоялъ на берегу Мелеса, въ Малой Азіи, я вспоминалъ, что здѣсь вѣдь, сказываютъ, родился творецъ «Иліады» и «Одиссеи». Мысль начинала было закипать злобою: «этотъ милый старецъ, однако, плодилъ Канскихъ...» Но память подсказала: «а директорскій конспектъ?» и... и однажды въ Берлинѣ я даже купилъ хорошую фотографическую копію съ «гомеровскаго облика». У нѣмцевъ вѣдь все можно найти!..

Съ появленіемъ на горизонтѣ орловской педагогической жизни И. М. Бѣлоруссова, въ гимназіи наступила оттепель. Новый директоръ принесъ любящее школьникамъ сердце и внесъ въ школьный обиходъ суворовскую простоту. Онъ принималъ участіе въ общей молитвѣ передъ началомъ уроковъ, пѣлъ съ учениками, на Страстной читалъ въ церкви. Поднялъ религіозный духъ. А фискальство помощниковъ классныхъ наставниковъ упало. Ревностный чехъ Мартынъ Мартынычъ быстро померкъ: его куда-то перевели, правда, съ повышеніемъ. Педагогическій синклитъ, по примѣру Сакіа-Муни, переродился, и прошло немного времени, а его уже перестали считать неумолимымъ трибуналомъ. Гимназисты пріобрѣли въ лицѣ Бѣлоруссова начальника-друга, строгаго, требовательнаго, но не беспощаднаго, а, наоборотъ, великодушнаго. Скоро стало извѣстно, что директоръ «на совѣтахъ» отстаиваетъ учениковъ; отсюда — сближеніе этихъ послѣднимъ съ нимъ. Къ Ивану Михайловичу въ кабинетъ шли и съ нуждою, и за предстательствомъ у учителей, и за полученіемъ отеческаго внушенія, которое воздѣйствовало больше, чѣмъ завѣдомая беспощадность мертвящаго формализма и узкой односторонности. Я не могу вспомнать И. М. Бѣлоруссова, директора гимназіи, иначе, какъ благодарнымъ словомъ. Семейныя начала, внесенныя имъ въ школу, вывели на широкой и свѣтлый путь множество заурядныхъ юношей; и лѣнты и шалуны, въ концѣ концовъ, одумывались и получали аттестаты зрѣлости, эти ключи къ университетскимъ дверямъ. Кто хочетъ, пусть набрасываетъ тѣни на «бѣлоруссовскій режимъ», но, на мой взглядъ, лучше десять виновныхъ простить, чѣмъ, вопреки испанской поговоркѣ, бросать человѣка въ воду, не давъ ему счастья, какъ это случалось съ Мироновыми.

Чистосердечно говорю, я сохраняю самыя теплыя и благодарныя воспоминанія обо всѣхъ своихъ учителяхъ, среди которыхъ были типичныя личности. Николай Ивановичъ Горшечниковъ, историкъ и географъ, представляется мнѣ во весь ростъ. Происхожденія онъ былъ простаго и строгій націоналистъ; онъ положительно по недоразумѣнію учительствовалъ въ средней школѣ,

вмѣсто того, чтобы занимать университетскую кафедру. Теперь, на грани десятилѣтій, просматривая уцѣлѣвшіе атласы, диктовки и учебники, постигаешь, какую уйму всевозможныхъ свѣдѣній по исторіи и географіи передавалъ ученикамъ этотъ учитель! Онъ воспитывался въ ту пору, когда сѣченіе входило въ кругъ преподаванія не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ училищахъ, и твердо вѣрилъ, что березовая лапша и каша въ качествѣ лекарства пользительны были бы и теперь. Онъ увлекательно рассказывалъ и не прочь былъ иногда потрянуть стариною, именно: на память говорилъ цѣлыя страницы изъ греческихъ и латинскихъ историковъ и поэтовъ.—«Вы, нынѣшніе, ну-тка!» Гдѣ ужъ намъ было!.. Требовательный въ учебные мѣсяца, на экзаменахъ Горшечниковъ отсвѣчивалъ милостью и не «рѣзалъ». Окружные ревизоры уходили съ его уроковъ удовлетворенными и можно смѣло сказать, что ордена и чины Ник. Ив. получалъ не даромъ; къ службѣ онъ положительно прилѣпился: съ перваго дня ея и до выхода на пенсію онъ не пропустилъ ни одного урока, развѣ только когда избирался въ присяжные засѣдатели.

— Николай Ивановичъ, вы—желѣзный, вы всегда здоровы.

— Врешь, бываю и я нездоровъ.

— Такъ, вы хоть бы день проманкировали...

— Не могу. Не бывъ въ гимназіи, я не могу выйти и на прогулку, а я долженъ гулять.

Дѣйствительно, лѣтомъ въ городскомъ саду, а въ остальное время года на Болховской улицѣ Ник. Ив. появлялся изо дня въ день, изъ года въ годъ, всегда въ одинъ и тотъ же часъ и шагаль взадъ и впередъ полтора или два часа. Онъ не курилъ, не пилъ вина и водки, жилъ замкнуто, никого у себя не принимая и самъ ни у кого и нигдѣ не бывая; онъ ве признавалъ театра, концертовъ, дачи. Читалъ единственно «Новое Время» изъ газетъ, зато много выписывалъ книгъ и журналовъ. Питалъ страсть къ музыкѣ, услаждалъ себя гармоніей и теоретически зналъ съ полдюжины европейскихъ языковъ. Это былъ кряжъ, нескладно скроенный, но хорошо сшитый. Н. И. Горшечникову предлагали переводы съ повышеніемъ, но онъ, какъ англичане, любилъ собственный домикъ и, не желая съ нимъ разставаться, отказывался отъ болѣе почетныхъ должностей; такъ и составилъ, никуда не выѣзжая изъ Орла!

Послѣ Горшечникова нельзя не вспомнить словесника-добряка Николая Андреевича Вербицкаго, теперь доживающаго вѣкъ въ Черниговѣ. Весною прошлаго года я, къ сожалѣнію, не могъ свидѣться съ больнымъ старцемъ, которому посвятилъ свой первый печатный рассказъ «Подъ ивою» и который написалъ мнѣ на карточкѣ: «Радъ былъ бы написать что-либо путное, да накажи

Богъ, голова одурѣла отъ экзаменовъ; довольствуйся ужъ этимъ и не забывай стараго учителя». Этой карточкѣ болѣе двухъ земскихъ давностей. Старый учитель—въ памяти. Отрадныя воспоминанія, первыя сладостныя «авторскія» волненія неотдѣлимы отъ него.

Мы знали донельзя снисходительнаго, удивительно-начитаннаго преподавателя Вербицкаго, знавшаго наизусть нашихъ классическихъ поэтовъ, чуть ли не всѣ «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», и превосходнаго чтеца, который выступалъ на благотворительныхъ вечерахъ, между тѣмъ какъ среди отечественныхъ охотниковъ Н. А. Антоухъ-Вербицкій пользовался извѣстностью талантливаго поэта и прозаика, чьи произведенія (въ духѣ тургеневскихъ «Записокъ») печатались большею частью въ журналѣ «Природа и Охота» временъ Л. П. Сабанѣева. Кромѣ того, Вербицкій сотрудничалъ въ журналѣ «Россія», въ «Книжкахъ Недѣли» и другихъ изданіяхъ былыхъ годовъ. Знаю и то, что краса украинскаго театра М. К. Заньковецкая бывшая его ученица, на которую онъ въ свое время оказалъ вліяніе, можетъ быть, даже и въ выборѣ поприща.

Восьмидесятыя годы предыдущаго вѣка принято считать затяжными сумерками, эпохой хмурыхъ людей и періодомъ русской исторіи, когда пріостановилось дѣло освобожденія личности. Такъ это или не такъ,—разбирать сейчасъ не будемъ; но вотъ что ужъ едва ли не несомнѣнно: политическія страсти тогда не разгорались по-теперешнему, и принципъ «homo homini lupus est» также не торжествовалъ по-теперешнему, превращая вчерашнихъ друзей въ заклятыхъ враговъ. Существовалъ ли въ ту пору служебный сыскъ, уже до такой степени откровенный въ послѣдніе годы, что не прикрывается даже и фиговымъ листкомъ?

Въ № 181 «Московскихъ Вѣдомостей», отъ 5 августа 1908 г., нѣкто Русскій, рассматривая современныя теченія въ украинофильствѣ, писалъ: «Поэтъ Вербицкій, принимавшій участіе въ составленіи написаннаго Чубинскимъ «украинскаго гимна»

Ще не вмерла Украина...

что ставится украинофилами ему въ особую заслугу, и написавшій рядъ стихотвореній съ явной сепаратистскою тенденціей, былъ болѣе 30 лѣтъ, какъ видно изъ его біографіи, учителемъ гимназій въ Полтавѣ, Черниговѣ, Рязани и Орлѣ». Но въ томъ-то и дѣло, что, напримѣръ, въ Орлѣ сепаратиста-Вербицкаго едва ли кто-нибудь видѣлъ и во снѣ. Конечно, «украинскій гимнъ»—бррр... Но тяжесть вины облегчается очевиднымъ позаимствованіемъ «Ще не вмерла Украина» у Выбицкаго: «Jeszcze Polska nie zginela», а покойный Г. А. Воробьевъ доказалъ, что не такъ страшенъ чортъ,

какъ его малюютъ ¹⁾). Если же Вербицкій откровенно пылалъ сепаратизмомъ, то, знаете, обвинять лучше было бы не его, а министерство народнаго просвѣщенія. Тутъ именно настоящіе сепаратисты...

Занявъ министерскій постъ, Деляновъ, по установленному обычаю, поѣхалъ знакомиться съ подвѣдомственными учебными заведениями. Пожаловалъ и въ Орель. Гимназія наша встрепенулась. Всѣ, и учителя и мы, учащіеся, — чувствовали себя приподнято, торжественно и скверно, какъ на войнѣ. Какой-то классъ и какого учителя министръ удостоить своимъ посѣщеніемъ? Его высокопревосходительство (тогда еще безъ графскаго достоинства) явился къ намъ на греческій урокъ. «Божественную эллинскую рѣчь» преподавалъ намъ директоръ. Деляновъ вошелъ не болѣе величественно, чѣмъ выступалъ, бывало, Гриценковъ, поклонился и опустился на стулъ, предусмотрительно поставленный ближе къ печи, далеко отъ партъ. Иванъ Михайловичъ подалъ ему подлинникъ, раскрытый на мѣстѣ, которое переводилось. Начался урокъ. Министръ склонился надъ книгой и, не отрывая глазъ отъ нея, слѣдилъ за ученическими переводами. Ахъ, какъ мы волновались, ожидая вопросовъ министра, но онъ ихъ не задавалъ.

Промчались 55 минутъ, Захаръ прозвонилъ въ коридорѣ. Урокъ кончился. Мы, было, зашевелились, но директоръ зашикалъ: видите, молъ, министръ еще сидитъ. Однако, прошли еще одна-двѣ минуты, а его высокопревосходительство все сидитъ и сидитъ. Кашель... нашъ шопоть переходитъ, — по выраженію приснопамятнаго законоучителя, о. Авксентія Слюсарева, — въ мурмуръ. Министръ же ни съ мѣста: этакъ онъ углубился въ греческій текстъ! Наконецъ директоръ осторожно подступаетъ къ нему.

— Ваше...

Тотъ очнулся, учебникъ выпалъ изъ старческихъ рукъ; министръ недоумѣвающе обвелъ насъ своими глазами; оказалось, что, пригрѣтый печью, онъ давно и сладко погрузился въ дрему. Говорили, что Деляновъ совсѣмъ не зналъ греческаго языка.

Въ студенческіе годы мы знали Ивана Давидовича за хорошаго сотрудника греческаго бога Гименя. Какъ, бывало, первокурсникъ задумаетъ жениться, такъ къ Делянову за благословеніемъ. Безъ его позволенія нельзя было наложить на себя Гименеевыхъ узъ. Разсуждая, что супружескія заботы отвлекаютъ отъ политики, покойный министръ позволялъ юнцамъ жениться, но при этомъ просилъ помнить:

— Помните, г. студентъ, что женитьба связывается со многими расходами, которые становятся постоянными... содержать семью,

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», май, 1906. «Польскія патріотическія пѣсни, именуемыя «революціонными».

вы сами должны знать это... это... Вообще, на стипендію не рассчитывайте.

— Мнѣ бы лишь жениться, ваше сіятельство.

— Жениться я разрѣшаю.

Послѣ женитьбы вопросъ о стипендіи разрѣшался обыкновенно благополучно при благосклонномъ участіи самого же графа Делянова.

II.

Василій Михайловичъ Михеевъ.—Нашъ Сѣверь.—Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ на похоронахъ поэта А. Н. Плещеева.—Н. А. Лейкинъ.

7 мая 1908 года въ Ярославлѣ скончался Василій Михайловичъ Михеевъ и погребенъ въ материнскомъ имѣніи, селѣ Спасъ-Преображеніе, Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда. Этотъ уѣздъ, какъ сливающійся съ Пошехоньемъ, весьма любопытенъ въ отношеніи быта и нравовъ; Василій Михайловичъ собирался черпнуть изъ него сюжетъ для повѣсти, но, должно быть, не осуществилъ желанія. Онъ умеръ далеко не старикомъ, на 50-мъ году, но уже два года тому назадъ наша общая знакомая, сибирячка, опредѣлила, что «Василій Михайловичъ не жилецъ на свѣтѣ». Дѣйствительно онъ вдвойнѣ страдалъ, страдалъ жестоко, но, какъ сильная душа, втайнѣ; страдалъ отъ неестественной толщины и вслѣдствіе разбитой личной жизни. Поэтому онъ декламировалъ иногда изъ «Пикколомини»:

Зачѣмъ же вы смотрѣли на меня
Холодными глазами, а не сердцемъ?

И долженъ былъ быстро угаснуть во имя неумолимаго закона разрушенія. Видится мнѣ его тучная фигура съ мягкимъ, великорусскимъ лицомъ, обрамленнымъ свѣтлою, достаточно «основательною» бородою, и съ густыми, тургеневскаго вида, свѣтлыми же волосами, а глаза—синіе, ясные, дѣтскіе. Разъ взглянувъ на Василія Михайловича Михеева, можно былъ безошибочно опредѣлить, что это не южанинъ. И впрямь, онъ родился въ Сибири, въ Иркутскѣ (1859 г.), въ богатой купеческой семьѣ. Хотя пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ уже носилъ форму съ значкомъ одной изъ московскихъ гимназій, но привязанность, теплую и нѣжную, къ природѣ Зауралья онъ сохранялъ въ своей душѣ и тогда, когда Ярославль, казалось, овладѣлъ всѣмъ существомъ женственнаго Василія Михайловича. Подобно другому «купеческому сыну», Василю Петровичу Боткину, Михеевъ былъ тонкимъ знатокомъ и цѣнителемъ изящнаго, о чемъ свидѣлствуютъ хотя бы статьи о русскомъ искусствѣ, печатавшіяся въ «Артистѣ»¹⁾. Въ основѣ

¹⁾ См. 1891, 1894 и другіе годы.

всѣхъ михеевскихъ сужденій о живописи и живописцахъ свѣтилось правило: къ полотнамъ надо подходить безъ жала, но и безъ лакейства. Яркій очеркъ написалъ онъ о Василии Ивановичѣ Суриковѣ, который особенно былъ милъ и дорогъ Василию Михайловичу, какъ землякъ (ибо Суриковъ родился въ Красноярскѣ, «подъ высокою крышею стараго казачьяго дома»), и какъ правдивый и талантливѣйшій изобразитель чисто-мѣстнаго, мѣстно-характернаго, типическаго для всей Сибири,—словомъ, всего того, что азіатская Русь сберегла, какъ осколокъ историческаго быта. «Это нашъ... сибирякъ!» съ гордостью говорилъ писатель о художникѣ. Это черта сибиряковъ: цѣпкая привязанность и влюбленность въ Сибирь съ ея капризною, но разнообразною и богатой природою и уваженіе къ даровитымъ землякамъ. «Пѣснями о Сибири» (1884 г.) началась литературная дѣятельность Василия Михайловича. Эти «Пѣсни» послужили поводомъ къ знакомству его съ Всеволодомъ Гаршинымъ, о которомъ у Михеева осталось, понятно, восторженное чувство¹⁾; Гаршинъ имѣлъ вліяніе на развитіе таланта молодого писателя, которое очень замѣтно во многихъ, особенно раннихъ произведеніяхъ Василия Михайловича. Писалъ же онъ не лѣнясь, все равно какъ усердно и путешествовалъ; съ Италіей онъ обручился, какъ встарину венеціанскіе дожи обручались съ Адриатическимъ моремъ. Любя Сибирь, Михеевъ не закрывалъ все-таки глазъ на темныя стороны ея жизни и рѣзко коснулся ихъ въ романѣ «Золотыя розсыпи» и въ драмѣ «Тайга», которая, къ слову сказать, переведена на нѣмецкій языкъ. И самоличныя наблюденія, и семейныя преданія давали обильный матерьялъ для драматурга-гуманиста, какимъ представляется Михеевъ на лучшихъ страницахъ «Тайги», какъ, впрочемъ, и романа «Золотыя розсыпи». Въ 90-хъ годахъ на сценѣ Малаго театра была поставлена драма «Арсеній Гуровъ», вызвала отрадные для самолюбія автора разговоры и дала толчокъ извѣстности Василия Михайловича. Одинъ изъ сотрудниковъ бойкой и въ то время много читавшейся московской газеты «Новости Дня» избралъ Арсенія Гурова даже своимъ псевдонимомъ. «Арсеній Гуровъ»... «Арсеній Г...» скрывалъ за собою жизнерадостнаго фельетониста, который и самъ согрѣшилъ водевилемъ «Уѣздный Шекспиръ», но вскорѣ сдѣлался профессоромъ Демидовскаго лицея въ Ярославлѣ, а теперь... теперь это чиновный Донъ-Кихоть, который воюетъ съ вѣтряными мельницами ка-детизма. Это И. Я. Гурляндъ. И если я нескромно раскрылъ секретъ, то не болѣе, какъ секретъ полишинеля.

Путешествія и доброта растрясли объемистый кошелекъ Михеева, такъ что послѣднее десятилѣтіе онъ прожилъ довольно осѣдло,

¹⁾ См. «Художники». Изд. 1894.

прилѣпившись къ Ярославлю. Такова была натура этого истинно-русскаго человѣка: онъ не могъ обойтись безъ привязанности; ея становилась, если не женщина, то археологія, старинный городъ, живое дѣло. На переломѣ лѣта 1906 года мы съ П. О. Изоевымъ, художникомъ-учителемъ, сибирякомъ, возвращались съ Сѣвера во свояси. Ёдемъ по Ярославлю, я вспомнилъ про Василю Михайловича.

— Не заѣхать ли намъ къ нему? — ухватился за мысль мой спутникъ. — Угостить насъ настоящими сибирскими пельменями.

Хлѣбосольство было въ крови покойнаго писателя; точь-въ-точь, какъ покойный же Петръ Михайловичъ Медвѣдевъ¹⁾, онъ любилъ самъ «заколеровать» бифштексъ, сбить сабайонъ къ спаржѣ и т. п. Съ мастерствомъ истаго итальянца и серьезностью священнодѣйствующаго жреца онъ приготовлялъ (для бывавшихъ въ Италиі) «sabailon», особаго вкуса питье изъ вина съ сахаромъ. Ахъ, какъ торжественно и забавно возглашалось, что «la colazione è pronta» (завтракъ готовъ)! Я думаю, не болѣе торжественно было настроеніе Моисея, когда онъ всходилъ на гору Нававъ...

— Извозчикъ, не знаешь ли, живетъ въ городѣ Василій Михайловичъ Михеевъ?

— Михеевскій-то... ну, да, живетъ! Почему ему не жить?!

— Можетъ быть, въ отъѣздѣ...

— Зачѣмъ въ отъѣздѣ! Тутъ онъ, Михеевскій. Слава Богу, я самъ ярославской епархіи, стало быть, всѣхъ господъ знаемъ.

Парень такъ «ярославилъ», отгѣняя букву о, что принадлежность его къ мѣстной «епархіи» не вызывала сомнѣнія. Ярославль настоящаго времени и старина Ярославской губерніи крѣпко привязали къ себѣ «Михеевскаго» (какъ его тамъ почему-то называло большинство), почти приковали къ рабочему кабинету и чрезъ это укоротили жизнь. Осенью того же 1906 года онъ былъ въ Москвѣ, не унывающій, но замѣтно порядочно усталый. Оно и не мудрено: Василій Михайловичъ взялъ и понесъ на своихъ плечахъ прогрессивную газету среди бушующихъ противоположныхъ общественныхъ теченій, когда страсти разгорѣлись и каждый шагъ не давалъ ручательства въ томъ, что идешь ты по безопасному пути, не упадешь и не погубишь себя и живой ноши своей. Немножко, какъ Вольтеръ, Михеевъ думалъ, что въ царствіе небесное всякій имѣетъ право итти тѣмъ путемъ, который ему нра-

¹⁾ Медвѣдевъ съ улыбкой рассказывалъ, что въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ (Казани или Самарѣ), гдѣ онъ антрепренерствовалъ, въ него, какъ хозяина и кухаря (въ компа, вѣдь, мудрено влюбиться), влюбилась прекрасная барышня, да такъ влюбилась, что папенька съ маменькой ея сдѣлали намекъ. — Что же ваша дочь и мнѣ по сердцу, говорю. — «Такъ, за чѣмъ же дѣло стало?» обрадовалась милая семья. — За моей женою. Они точно съ неба упали отъ такой неожиданности.

вится, окружающія же приземистыя православныя церкви и административныя учрежденія намекали, что Ярославль, Божіей милостью, принадлежит не Англии, а Россійской имперіи и, слѣдовательно, «Сѣверный Край», руководимый имъ, Михеевымъ, обязанъ считаться съ отечественными пугалами и заставами и чостоколами. Михеевъ пыхтѣлъ въ редакторскомъ кабинетѣ и пыхтѣлъ, воюя съ администраціей. Если отъ хорошей жизни не полетишь, то и отъ редакторства не расцвѣтешь; напротивъ, не становишься ли свѣтильникомъ, который издерживается, свѣтя другимъ? Добряку, человѣку-рубахѣ, который часто «тыкалъ», желая со всѣмъ человѣчествомъ дѣлить дружбу, но который былъ болѣзненно чутокъ къ запросамъ этики и справедливости, Михееву рано было дано предостереженіе за увлеченіе газетою. Предостереженіе послѣдовало еще въ концѣ 1905 года со стороны мозга: съ Василиемъ Михайловичъ случился апоплектический инсультъ. Это, однако, ни къ чему не привело: свѣча сжигала себя и сожгла. Что же осталось? Свѣтлая память о ней; вѣдь Василій Михайловичъ Михеевъ былъ очень дѣятельной, очень трудолюбивой пчелой, которая внесла немало меда въ соты ярославскаго благоустройства: Василій Михайловичъ былъ въ числѣ основателей мѣстныхъ Пушкинской и Некрасовской общественныхъ библиотекъ. («Въ родовомъ Грешневѣ, гдѣ протекли дѣтскіе годы Н. А. Некрасова, кабакъ, а въ Ярославлѣ библиотека Тамъ—пойло, здѣсь — здоровая пища»). Онъ же руководилъ ярославскимъ музыкально-драматическимъ кружкомъ, предсѣдательствовалъ въ обществѣ взаимопомощи учащимъ и бывшихъ учителей народныхъ школъ, работалъ и въ прилицейскомъ юридическомъ обществѣ; кромѣ того, собиралъ и собралъ много матерьяловъ касательно Некрасова. Ярославскій историкъ будущаго все это учесть, конечно, какъ, думается мнѣ, историкъ литературы отмѣтитъ, что Михеевъ, отрываясь отъ клокочущей дѣйствительности, уносился въ сѣдую старину и воскресилъ не одинъ образъ, и освѣтилъ не одинъ уголокъ древней Руси, ея быта, освѣтилъ не одинъ ея грѣхъ... «Три вѣка назадъ» (годуновская эпоха), какъ повѣсть, явилось (въ «Нивѣ» 1902 года) новымъ лучомъ свѣта, пролитаго освѣдомленнымъ и талантливымъ бытовикомъ. Лѣтъ за 6 передъ тѣмъ, охваченный живымъ духомъ верхне-волжской бывальщины, Василій Михайловичъ одухотворилъ углицкое преданіе, добытое имъ въ архивѣ, относящееся къ царствованію Алексѣя Михайловича. Этотъ отрокъ-мученикъ былъ сынъ углицкаго посадскаго, кожевника. Между повѣстью «Три вѣка назадъ» и углицкимъ преданіемъ «Отрокъ-мученикъ» видится древне-русская повѣсть «Мара», олицетвореніе зимы или смерти въ варяжскія времена («Нива» 1899 года). Историкъ литературы скажетъ, что Михеевъ, написавшій три прекрасныхъ историческихъ повѣсти, поступилъ

патріотически. Если бы каждый беллетристъ дѣйствовалъ такъ же, русскіе не имѣли бы цѣлыхъ періодовъ своей тысячелѣтней исторіи, періодовъ героическихъ и богатыхъ содержаніемъ, почти что не обслѣдованными. Общество узнало бы множество любопытнѣйшихъ преданій, которыми пока питаются архивные грызуны, и, вѣрно, космополитизмъ лучше бы растворялся въ чувствахъ преданности и благоговѣнія къ вѣковымъ, исконнымъ устоямъ, на которыхъ воздвигалась великая имперія. Въ кропотливомъ изысканіи, обслѣдованіи матерьяла Михеевъ забывалъ себя; его манера историческаго живописанія напоминала Аверкіева, однако безъ увлеченія послѣдняго «песчинками» мозаики.

Кстати: съ легкой руки А. М. Скабичевского, принято думать, что авторъ «Каширской старины» вышелъ «изъ раскольничьей (старообрядческой?) среды» ¹⁾. Между тѣмъ, со словъ вдовы писателя, досточтимый П. И. Бартеневъ передавалъ мнѣ, что Аверкіевъ былъ происхожденія греческаго.

Выше я упомянулъ про сѣверъ. Въ первую поѣздку (на Мурманъ) мнѣ довелось встрѣтиться съ А. П. Энгельгардтомъ ²⁾, который былъ въ «началѣ вѣка сего» архангельскимъ губернаторомъ. Въ этой должности онъ не походилъ на Гоговъ и Магоговъ, а отличался простотою и привѣтливостію. Дѣло было въ іюлѣ 1901 года. Отъ желѣзнодорожнаго вокзала въ городъ попадаютъ на пароходѣ. Сѣверная Двина—величественна: полноводна, широка. Мы съ А. П. Энгельгардтомъ очутились на пароходѣ лицомъ къ лицу; опытный глазъ «хозяина губерніи» распозналъ во мнѣ гостя-путешественника, и разговоръ завязался самъ собою. Я ѣхалъ знакомиться съ Мурманомъ вплоть до норвежской границы и—подъ вліяніемъ В. В. Верещагина—съ древне-русскимъ церковнымъ зодчествомъ по берегамъ Сѣверной Двины. Обширный, великолѣпный край былъ хорошо знакомъ Александру Платоновичу, такъ какъ онъ изъѣздилъ и исходилъ его вдоль и поперекъ, доказательствомъ чему служитъ его книга «Русскій Сѣверъ». Покойный былъ человѣкъ дѣла, не сухарь, а работникъ. Нашего брата, бродягу, онъ принималъ любезно и поучалъ, какъ надо путешествовать по Архангельской губерніи. Главное: нужно забыть о комфортѣ и быть всегда готовымъ къ встрѣчѣ съ неприятной неожиданностію. Позже я узналъ, что губернаторъ самолично испыталъ терніи путешествія по такимъ глухимъ мѣстамъ, каковы, напримѣръ, наша Лапландія или Печорскій край. Въ самомъ дѣлѣ, пожаловавъ въ лѣсисто-болотныя, озерно-лѣсныя и т. п. дебри въ полной генеральской формѣ, онъ скоро превратился, какъ выра-

¹⁾ См. «Исторія новѣйшей русской литературы», изд. 4-е, стр. 424.

²⁾ А. П. Энгельгардтъ умеръ въ 1903 г. товарищемъ министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ; передъ тѣмъ онъ былъ саратовскимъ губернаторомъ.

зился одинъ лопарь, въ чучелку; отважно погружался въ топи въ бѣлыхъ «соединенныхъ штатахъ» съ золотыми лампасами, и только, гдѣ «волчья» тропа упиралась въ болото и уже самый видъ мостковъ, перекинутыхъ черезъ болото, вызывалъ «страхъ и трепеть», — сдавался: тогда его брали на руки и несли надъ землей. Графу С. Ю. Витте и А. П. Энгельгардту обязанъ своимъ происхожденіемъ неудачный Александровскъ, горькій административный центръ Мурмана и обходимый коммерческими судами коммерческій портъ. Очень торжественно происходило освященіе ново-явленнаго заполярнаго Новороссійска, въ присутствіи высокопоставленныхъ лицъ, причемъ бросались всѣмъ гостямъ въ глаза зеленѣющія деревья среди снѣговъ. Гости, однакоже, остались довольны и въ Петербургѣ стали говорить:

— Да-а, Сѣверъ—край чудесъ; одно слово: Лукоморье, и какъ мало мы его знаемъ!

Нужны «Искра» и новый Горбуновъ, чтобы представить, какъ слѣдуетъ, бюрократическихъ затѣйниковъ. Кстати: Ивана Ѳедоровича Горбунова я слышалъ первый разъ въ срединѣ 80-хъ годовъ въ гостиниѣ недавно скончавшагося Пармена Петровича Шеншина, тогда предсѣдателя орловской земской управы. Въ Петербургѣ, въ 90-хъ годовъ, въ бытность мою студентомъ, когда мнѣ приходилось много работать въ «Петербургской Газетѣ», «Петербургскомъ Листкѣ», «Русскомъ Листкѣ», «Сынѣ Отечества» и въ нѣкоторыхъ еженедѣльныхъ журналахъ («Живописномъ Обозрѣніи», «Русскомъ Паломникѣ», «Иллюстраціи» и друг.), я имѣлъ возможность ближе узнать Ивана Ѳедоровича. Покидалъ ли когда-нибудь его юморъ?

26-го сентября 1893 года умеръ А. Н. Плещеевъ; онъ умеръ въ Парижѣ, и въ плачущій осенній день прахъ поэта былъ привезенъ въ Петербургъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Москву, гдѣ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря могила Плещеева обращаетъ на себя вниманіе своею часовнею и прекраснымъ бюстомъ покойнаго. Подъ вечеръ уже «печальная процессія» двинулась отъ Варшавскаго вокзала къ Николаевскому, и такъ какъ мелкій дождь («сѣянецъ», по опредѣленію С. В. Максимова) не переставалъ съ утра до вечера ратоборствовать съ ингерманландскимъ зефиромъ, то за «траурной колесницею» тысячи народа не шли. Двѣ-три сотни, учащейся молодежи, по преимуществу, шли за гробомъ милаго поэта, разбившись на группы. На память, вслухъ, сообщалась изъ группы въ группу біографія Плещеева; дѣлали ударенія на участіи его въ дѣлѣ Петрашевскаго; порывы вѣтра не заглушали декламации: «Впередъ! безъ страха и сомнѣнья»... «О, нѣтъ, не всякому дано святое право обличенья»... «Нѣтъ, лучше гибель безъ возврата, чѣмъ миръ постыдный съ тьмой и зломъ»... и тому подобныхъ «гражданскихъ мотивовъ». Наконецъ катафалкъ при-

близился къ въѣзднымъ воротамъ Николаевскаго вокзала У платформы за заломъ III-го класса стоялъ обитый чернымъ крепомъ вагонъ, и ожидало покойника духовенство. Собралась небольшая семья «братъевъ-писателей».

Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ стоялъ поодаль; я сталъ рядомъ съ нимъ. Откуда ни возьмись старецъ; очевидно, изъ нѣдръ Песковъ. Такихъ старичковъ любилъ изображать В. Е. Маковский. Дряблое широкое лицо съ легкимъ румянцемъ, обросшее щетиною; носъ совсѣмъ какъ баклажанъ, темно-фіолетовый, и отвислая нижняя губа. На этомъ отставномъ канцелярскомъ экземплярѣ была поблекшая шинель, изъ-подъ которой буйно выбивалась грязная вата ключьями, какой-то тумбообразный картузь и резиновые ботики; въ довершеніе всего старческія уши были прикрыты вязанымъ платкомъ, концы котораго подымались надъ головою. Старикъ что-то какъ будто искалъ; суетился, двигался по всѣмъ направленіямъ... Горбуновъ увидѣлъ его.

— Вотъ онъ,—кивнулъ Иванъ Ѳедоровичъ на него:—и Гречъ и «Сѣверная Пчела» давно умерли, а онъ, ихъ почитатель, слава Богу, еще здравствуетъ.

Это было сказано «по-горбуновски», то есть совершенно вразрѣзъ съ похороннымъ настроеніемъ, и настроеніе было, конечно, испорчено. Съ платформы лились скорбные звуки литіи, а тутъ душилъ смѣхъ; почитатель же Греча и «Сѣверной Пчелы», какъ нарочно, продолжалъ суетиться.

Отдавши послѣдній долгъ покойнику, зашли помянуть его въ буфетъ; туда же ковылялъ и Н. А. Лейкинъ. Къ популярному бытописателю петербургскаго «сѣраго невѣжества» я довольно присмотрѣлся, сотрудничая въ «Петербургской Газетѣ» въ отдѣлахъ театра и маленькаго фельетона. Лейкинъ въ то время былъ уже на вершинѣ извѣстности, пользовался особеннымъ уваженіемъ со стороны редакціи и самъ цѣнилъ себя очень дорого, хотя, положя руку на сердце, мѣсто его въ пантеонѣ отечественной литературы и было и будетъ на дальнемъ планѣ. Это талантъ, какихъ много; но въ то время какъ однихъ заѣдала судьба, Николая Александровича Лейкина она баловала. Въ его внѣшности ничего «литературнаго» не было: всей своею фігурою онъ напоминалъ сытаго лавочника; для полноты сходства недоставало медали на шею «за усердіе». Неуклюжіе сапоги его, казалось, мастерились въ ясно-полянскомъ графскомъ домѣ; чистка носа составляла любимое занятіе Николая Александровича, какъ и садоводство съ куроводствомъ. Онъ любилъ «побаловаться чайкомъ» въ грязноватомъ трактирѣ и увѣрялъ, что у него на кухнѣ фаршируютъ щуку не хуже, чѣмъ въ городахъ Западнаго края.

Къ своему литературному имени Лейкинъ относился ревниво до-нельзя. Желая подтрунить надъ нимъ, его близкій пріятель,

добродушный С. В. Максимовъ говорилъ, что его, лейкинская, извѣстность не выходитъ изъ предѣловъ петербургскаго района и никогда не доѣзжала до Москвы, такъ какъ въ Бологомъ выходила изъ вагона, чтобы со слѣдующимъ поѣздомъ возвратиться въ Петербургъ. Николай Александровичъ отшучивался, но пріятельская шутка все-таки не могла ему нравиться. Въ дѣйствительности обстояло, разумѣется, иначе: Лейкинъ читался не только въ области корявыхъ березъ, но и тамъ, гдѣ созрѣваютъ самые нѣжные плоды. Я передалъ ему разговоръ свой съ волжаниномъ-книгоношей. Лейкинъ согласился. Это было на пристани недалеко отъ Самары. На пароходъ пришелъ книгоноша, предлагаетъ книжечку.

Изъ болѣе чѣмъ сотни книгъ я не могъ выбрать себѣ и двухъ: либо лубочныя, либо хорошо знакомыя. Говорю торговцу:

— Вашъ подборъ не для меня.

— Легкое чтеніе-съ.

— Не въ этомъ бѣда, а въ томъ, что авторовъ мало.

— Это правда-съ,—соглашается паренъ:—а только и наше дѣло такое-съ, что мы должны съ точной прахтикой сообразоваться. Имѣемъ то, на что бываетъ спросъ.

— На что же спросъ?

— На Волгѣ-то? Да ужъ извѣстно, по веснѣ до межени (лѣта), когда антилегентный пассажиръ, то спрашиваютъ Мамина-Сибиряка, Станюковича, послѣднихъ знаменитостей и французскіе романы, а ближе къ Макарью¹⁾, когда, значить, пошелъ купецъ, тутъ подавай Лейкина, Мясницкаго, Пазухина. Его степенство не читаетъ иныхъ-прочихъ книгъ, окромя какъ для развлеченія, и приказчикъ требуетъ: мнѣ, говоритъ, или романъ Пазухина, или Лейкина съ Мясницкимъ, чтобы досыта насмѣяться. Изъ году въ годъ такъ заведено-съ.

III.

Газета «Народъ».—А. П. Мальшинскій, Н. Я. Стечкинъ, Е. А. Шабельская.—С. И. Васюковъ.—Профессоръ Я. Я. Цвѣтковъ.—Академикъ живописи О. И. Ясновскій.—Посѣщеніе его «меденатомъ» К. Т. Солдатенковымъ.

Какъ-то особнякомъ отъ всѣхъ петербургскихъ газетъ стояла газета «Народъ», основанная въ 1896 году Аркадіемъ Павловичемъ Мальшинскимъ († 24 іюня 1899 года). Газета «Народъ» существовала недолго: она, кажется, не пережила своего основателя²⁾. Самъ А. П. Мальшинскій, несмотря на то, что ему не

¹⁾ Нижегородская ярмарка.

²⁾ «Народъ» прекратился потому же, почему нѣкогда пересталъ выходить журналъ «Зеркало свѣта». Откровенные издатели, поэты И. О. Богдановичъ и О. А. Туманскій, заявляли, что ихъ журналъ прекращается «по малому числу подписателей сей годъ (1787) бывшихъ, а и того меньше на будущій явившихся».

было и 60 лѣтъ, былъ бѣлый, какъ лунь, человѣкъ, въ высшей степени корректный, тихій и, казалось, замкнутый въ себѣ; типъ кабинетнаго дѣятеля. И дѣйствительно, политико-экономическія и финансовыя статьи, печатавшіяся имъ въ «Народѣ», говорили объ уютѣ и тишинѣ кабинета, гдѣ онѣ вынашивались и строго взвѣшивались въ зрѣломъ умѣ, а не о скорописаніи, неизбѣжномъ въ газетномъ дѣлѣ.

Я не знаю, въ какомъ родствѣ А. П. Мальшинскій состоялъ съ министерствомъ финансовъ, но какое-то родство было, и выливалось оно въ формѣ обязательныхъ объявленій; это обязательство производило странное впечатлѣніе и давало много пищи остроумнымъ людямъ. Повидимому, средства самого издателя были весьма ограничены, тиражъ газеты «Народъ» далеко не достигалъ тысячи, между тѣмъ редація и контора помѣщались на Морской, гдѣ жилъ и Николай Яковлевичъ Стечькинъ, первый и послѣдній редакторъ «Народа».

Мальшинскій получилъ солидное образованіе; питомецъ московскаго и гейдельбергскаго университетовъ, онъ писалъ вѣскія, умныя статьи, но—кто читалъ эти статьи? Какая же газетная экспедиція не скрываетъ точнаго числа своихъ подписчиковъ? А въ конторѣ «Народа» печатные адреса его подписчиковъ обыкновенно лежали на виду, на прилавкѣ, такъ что желающіе читали ихъ, а податели объявленій убѣждались воочию, что «Народъ» съ Морской читается лишь горсточкою русскаго народа, всего нѣсколькими сотнями, да и тутъ сколько близкой и дальней родни редактора и издателя!

Николай Яковлевичъ Стечькинъ, высокій, рыжеволосый, съ охрипшимъ голосомъ и непремѣннымъ ринсе-пез на носу, представлялъ собою противоположность тихому, сдержанному, кабинетному Аркадію Павловичу; онъ былъ менѣе образованъ, но все же образованъ, уменъ, остроуменъ и нервенъ, какъ истый журналистъ. Благодаря несдержанности языка, Стечькинъ могъ казаться циникомъ, но едва ли былъ таковъ. Онъ отличался изумительной трудоспособностью, писалъ не безъ блеска и обладалъ тонкимъ литературнымъ нюхомъ и развитымъ вкусомъ. Въ пору наивысшаго полета г. Горькаго Стечькинъ предсказывалъ этому баловню читающей публики конецъ въ родѣ того, какой увѣнчалъ дѣло жизни Н. Кукольника. Николай Яковлевичъ бывалъ рѣзокъ, но всегда искрененъ и честенъ. Это былъ убѣжденный консерваторъ и націоналистъ, и свои твердые взгляды на отечественный корабль и на русло, по которому долженъ поступать впередъ этотъ корабль, онъ заковалъ въ семьѣ и въ одесской газетѣ «Новороссійскій Телеграфъ» М. П. Озмидова, знамя котораго онъ поддерживалъ твердой рукою на высотѣ.

Поступись Стечкинъ своими святынями, подайся онъ влѣво, онъ сталъ бы желаннымъ гостемъ въ либеральныхъ изданіяхъ, какъ остроумный фельетонистъ, надежный полемистъ, дальнозоркій, воспріимчивый и умный публицистъ, но Н. Я. Стечкинъ, какъ вѣрный жрецъ, поддерживалъ огонь и курилъ оиміамъ на алтарѣ разъ избраннаго имъ бога, котораго онъ чтить и которому только и хотѣлъ по совѣсти служить. Послѣ прекращенія «Народа» Н. Я. Стечкинъ былъ приглашенъ В. В. Комаровымъ завѣдывать «Свѣтомъ». 2-го мая 1906 года я видѣлся съ Николаемъ Яковлевичемъ въ редакціонномъ кабинетѣ; онъ жаловался на усталость, но относился къ себѣ какъ-то безучастно. Семья Комаровыхъ жила въ деревнѣ, гдѣ Виссаріонъ Виссаріоновичъ прихварывалъ; газета всецѣло оставалась на рукахъ Стечкина, и онъ всецѣло отдавался ей. 31 мая того же 1906 года онъ скончался отъ разрыва сердца.

Въ бытность редакторомъ «Народа», Н. Я. пережилъ много тяжелыхъ дней: газета не побѣждала равнодушія публики, «обязательныя» объявленія уплывали въ конторы распространенныхъ и полуказенныхъ газетъ, гонорары сотрудникамъ выплачивались съ большими задержками и вдобавокъ гомеопатическими дозами; предпріятіе явно чахло: Стечкину пришлось скоро понять, что свѣтлаго дня «Народъ» не дождется, а онъ любилъ свою газету. Съ другой стороны, на него же падали неудовольствія кормимыхъ «завтраками» сотрудниковъ. Я помѣстилъ въ «Народѣ» рассказъ и рецензію о второстепенныхъ петербургскихъ театрахъ. Главнымъ критикомъ была Е. А. Шабельская. Я никогда не былъ представленъ этой, по отзывамъ многихъ, хлѣбосольной журналисткѣ и наблюдалъ ее со стороны. Первая встрѣча—на всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 году. Въ одинъ прекрасный день мы съ Димитріемъ Васильевичемъ Григоровичемъ вышли изъ бюро IX художественно-промышленнаго отдѣла, которымъ завѣдывалъ знаменитый авторъ «Антоня Горемыки» и «Рыбаковъ». Въ это время проходила дама мимо павильоновъ. Будь на выставкѣ толпа обозрѣвателей, дама и тогда бы не осталась незамѣченной, въ ярко-красномъ костюмѣ, съ распущеннымъ краснымъ зонтикомъ и, кажется, въ красной же шляпѣ, но вѣдь на выставкѣ всегда бывало довольно-таки пустынно: правительство и промышленники не хотѣли или не умѣли привлечь къ ней общественное вниманіе, а «бойкіе журналисты» предпочли отечественной выставку въ Буда-Пештѣ, куда представителей печати возили чуть ли не даромъ, окруживъ комфортомъ и прелестями земного бытія. Венгры знали, что всѣ расходы на «газетчиковъ» окупятся сторицею, какъ только заскрипятъ бойкія перья. И вотъ въ то время, когда мы, маленькіе провинціальные журналисты (я корреспондировалъ въ «Орловскій Вѣстникъ»), старались по мѣрѣ силъ прельстить

провинціальныхъ куликовъ и мастодонтовъ нижегородскими прелестями и чудесами, глотали кунавинскую пыль и дышали адскимъ воздухомъ приволжскихъ набережныхъ,—въ это время извѣстные журналисты, какъ И. О. Василевскій, И. Я. Гурляндъ и другіе, наслаждались тамъ, гдѣ,—сказывали мнѣ въ Кистъ-Кёрешѣ,—ви-таетъ тѣнь Петефи.

— Что за Мефистофель? Кто эта дама? — спросилъ Димитрій Васильевичъ.

Подвернувшійся юркій «шеръ конфереръ» изъ Москвы сообщилъ, что это — Е. А. Шабельская, корреспондентка «Новаго Времени» изъ Берлина. Потомъ я встрѣчалъ на выставкѣ Е. А. Шабельскую въ сопровожденіи А. В. Амфитеатрова, а позже—въ сопровожденіи его и Вл. И. Ковалевскаго, директора департамента торговли и мануфактуръ, будущаго товарища министра финансовъ. Они и М. И. Кази много способствовали улучшенію и разнообразію меню въ ресторанѣ при выставкѣ, а въ «подвалахъ» его появились лучшія марки шампанскаго.

Разставшись съ «Новымъ Временемъ» и сдѣлавшись театральнымъ критикомъ газеты «Народъ», Е. А. Шабельская показала примѣръ, какіе суровые, ничѣмъ не смягчаемые приговоры можетъ произносить бывшая артистка дѣйствующимъ артистамъ. Въ отзывахъ объ Александринской труппѣ Елиз. Александровна представлялась прямо Собакевичемъ; мнѣ казалось, что «бичеваніе», которому нашъ критикъ подвергалъ М. Г. Савину, объяснялось «вѣчною» зубною болью, но Александръ Константиновичъ Шеллеръ (А. Михайловъ) передавалъ, что П. А. Стрепетова, кажется, отъ зубной боли не страдала, между тѣмъ уѣзжала отъ него всегда разсорившись. «Насъ съ Полиной Антиповной,—говорилъ онъ,—соединяють давнишніе годы пріязни, но всякій разъ, какъ она бываетъ у меня въ гостяхъ, мы ссоримся изъ-за Савиной, разговоръ о которой она неизбѣжно заводитъ».

Полученіе гонорара въ «Народѣ» приходилось обставлять ухищреніями. Однажды намъ съ Семеномъ Ивановичемъ Васюковымъ (тогда уже вкусившимъ отъ древа познанія Черноморья) недоставало трехъ рублей для настоящаго обѣда у Пивато съ заходомъ къ Лейнеру. Какъ быть? Въ конторѣ настроеніе вялое. Семень Ивановичъ нашелся. «Просите,—говоритъ,—у Стечкина на ка-лоши. Предметъ первой необходимости — не откажетъ». Дѣйствительно, не сорвалось. Стечкинъ имѣлъ отзывчивое сердце и былъ хорошій товарищъ. Тѣмъ и другимъ качествомъ обладалъ и покойный Семень Ивановичъ, но я не понимаю, зачѣмъ ему приписывается какая-то аскетическая незлобивость. Д. В. Григоровичъ сказалъ про И. С. Тургенева: вѣдь крови въ Иванѣ Сергѣевичѣ не было—внутри его была вата. Если его уколоть въ тѣло, такъ непременно выльзетъ кусочекъ ваты. А когда онъ сердился —

ужасно дѣлался похожъ на бѣшеннаго голубя. Въ жилахъ Васюкова текла настоящая кровь, а, сердясь, онъ походилъ совсѣмъ не на голубя. Возьмите его брошюру «Скорпионы столичной (московской) печати», прочитайте ее, и въ авторѣ обнаружится человѣкъ съ селезенкою и съ запасомъ горечи. *Amicus Plato, sed magis amica veritas...* ¹⁾

Вотъ кстати! Въ декабрьскомъ № «Историческаго Вѣстника» 1907 года покойный Семенъ Ивановичъ напечаталъ свои воспоминанія объ Яковѣ Яковлевичѣ Цвѣтковѣ, бывшемъ профессорѣ физики и метеорологіи Петровской академіи, который читалъ также лекціи по этимъ предметамъ и по механикѣ въ Александровскомъ военномъ училищѣ и въ поляковско-катковскомъ лицейѣ. По опредѣленію Васюкова, «Я. Я. Цвѣтковъ былъ демократъ по убѣжденію и существу. Простому народу этотъ человѣкъ былъ, несомнѣнно, близокъ. Мнѣ, — продолжаетъ авторъ, — приходилось его видѣть въ средѣ рабочихъ, которые искренно къ нему относились, считая, впрочемъ, за чудака, но только хорошаго. Цвѣтковъ очень уважалъ поэзію Некрасова, стихотворенія котораго почти всѣ зналъ наизусть. Да! странный былъ человѣкъ, который жилъ не для себя. Какъ сейчасъ помню его торжественную фигуру съ поднятой рукой, когда онъ декламировалъ «Рыцаря на часъ». Далѣе С. И. Васюковъ представлялъ порывы профессорскаго благородства и описывалъ пагубную страсть Я. Я. Цвѣткова къ вину. Мнѣ духовный обликъ этого ученаго представляется нѣсколько инымъ и болѣе замысловатымъ. Безъ сомнѣнія, Я. Я. Цвѣтковъ въ молодости благородно кипѣлъ, клокоталъ, но съ теченіемъ времени кипѣніе прекращалось и прекратилось, и остывшее вмѣстилище высокихъ побужденій и рыцарскихъ порывовъ затянулось плѣсенью; красивая жизнь погасла, стала пепломъ, изъ котораго зародилось воистину странное существованіе. Всѣ стремленія свелись къ водкѣ, весь демократизмъ окончательно вылился въ форму удовлетворенія обществомъ полупьяной кухарки и ея друзей. Правда, что чужая душа—потемки и копать въ ней врядъ ли удобно, но рѣчь идетъ не о заурядномъ человѣкѣ, а о видномъ ученомъ и общественномъ дѣятелѣ, въ подобныхъ же случаяхъ даже самые «патріотическіе» нѣмцы не стѣсняются разсматривать своихъ Шопенгауэровъ въ ихъ отношеніяхъ къ экономамъ, къ швеямъ Маркетъ и т. п... Задолго до конца своей жизни профессоръ Я. Я. Цвѣтковъ махнулъ рукою на многое такое, на что, пожалуй, и не слѣдовало махать рукою, и представлялъ собою, съ одной стороны, какое-то дряблѣе, а съ другой—странное существо.

¹⁾ Въ воспоминаніяхъ «Былые дни и годы» С. И. Васюковъ писалъ, что онъ сталъ литераторомъ въ 1884 году. («Историч. Вѣстн.», сентябрь, 1908 годъ), но, кажется, первая его статья появилась годомъ ранѣе, т. е. въ 1883 году, въ одномъ изъ октябрьскихъ или ноябрьскихъ №№ «Русскихъ Вѣдомостей».

Въ своихъ воспоминаніяхъ С. И. Васюковъ упомянулъ про цвѣтковское «деми-сезонъ» пальто. Профессоръ послалъ его до послѣдней невозможности, наконецъ купилъ новое и идетъ однажды на лекціи въ Петровско-Разумовскую академію. Путь всегда одинъ и тотъ же въ продолженіе ряда лѣтъ, мимо соломенной сторожки, гдѣ постъ городского. Полицейское око пропускало мимо себя множество разъ этого «стрюцкаго» въ «деми-сезонѣ», мало любопытствуя, кто онъ. Но вотъ знакомый прохожій появляется въ новомъ, «приличномъ» пальто, которое ему не къ лицу. Городовой замѣтилъ обновку и принялъ къ свѣдѣнію.

— Эй, сударь!

Я. Я. Цвѣтковъ, къ которому относилось это «сударь», остановился. Городовой подходитъ къ нему и спрашиваетъ у него, откуда взялось новое пальто.

— Купилъ.

— Оно и видно, что вашъ братъ покупаетъ!—усмѣхнулся городской.— Чѣмъ занимаешься?

— Профессоръ...

— Что-о?! Въ участокъ!

И вмѣсто академіи Яковъ Яковлевичъ зашагалъ въ «Бутырки», сопровождаемый полицейскимъ; шелъ онъ безропотно, безпрекословно и предсталъ предъ помощника пристава; служака-городовой разъяснилъ: вотъ, молъ, человѣкъ ходилъ сколько лѣтъ въ плохомъ пальтишкѣ, а нынче вдругъ оказался въ приличномъ пальто; человѣкъ подозрительный. Откуда взялъ пальто? Купилъ, гыть. Чѣмъ занимаешься? А онъ: профессоръ.

При послѣднемъ словѣ докладчика помощникъ пристава широко раскрылъ глаза.

— Это вы-то профессоръ?

— Прошу навести справки. Я Яковъ Яковлевичъ Цвѣтковъ. Обратитесь въ Петровско-Разумовскую академію.

Обратились, и... со стороны полицейскихъ чиновъ посыпались извиненія предъ истиннымъ профессоромъ. «Вышло прискорбное недоразумѣніе». Какъ обыкновенно бываетъ, виновнымъ оказался только городской, и Цвѣткову было сказано, что съ ретиваго служаки взыщется строго.

— Нѣтъ, ради Бога, не взыскивайте съ него,—сталъ упрашивать помощника пристава Цвѣтковъ.— Это, видно, хорошій, честный служака. Мы съ нимъ останемся пріятелями...

На ряду съ такимъ «демократизмомъ», съ подчасъ очень трогательнымъ опрощеніемъ и съ удовлетвореніемъ себя очень малымъ, Я. Я. Цвѣтковъ взрастилъ въ себѣ страсть къ пріобрѣтенію, да не чичиковскую, а плюшкинскую. Вѣдь въ залѣ суда выяснилось, что Яковъ Яковлевичъ давалъ деньги подъ проценты! Вотъ это, не правда ли, характерно для него, и не оттого ли этотъ

Дрябленькій добрячекъ-ростовщикъ врѣзался въ память, когда онъ декламировалъ изъ некрасовскаго «Рыцаря на часъ»:

Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
Чтобы кроткія очи твои
Смыли жаркой слезою страданія
Всѣ позорныя пятна мои.

Иной примѣръ опрощенія представлялъ собою академикъ живописи Ѳедоръ Ивановичъ Ясновскій, умершій 12 іюля 1902 года. Онъ умеръ 69-лѣтнимъ старикомъ, котораго знала вся сколько-нибудь интересующаяся вопросами искусства часть московскаго населенія. Уроженецъ Минской губерніи, Ѳедоръ Ивановичъ получилъ образованіе въ школѣ технического рисованія, въ которой затѣмъ остался преподавать и преподавалъ почти 40 лѣтъ, подготовивъ для среднихъ и городскихъ школъ весьма значительную семью учителей рисованія. Извѣстные въ педагогическомъ мірѣ Бѣлокаменной специалисты-преподаватели С. Н. Барановъ, В. В. Бѣляшинъ и другіе—ученики покойнаго Ясновскаго. Школа технического рисованія, переименованная въ Строгановское училище, гордилась Ѳедоромъ Ивановичемъ. Почти всю жизнь онъ прожилъ холостякомъ въ Москвѣ, на Арбатѣ, зиму отдавалъ учительству, а лѣтомъ отдавался творчеству; большинство произведеній Ѳ. И. Ясновскаго изображаютъ природу и уголки Москвы и ея окрестностей, но художникъ видѣлъ и другія мѣста въ отечествѣ. Мастерство его было замѣчено и оцѣнено своевременно: Ѳ. И. уже въ 60-хъ годахъ былъ академикомъ живописи. О рынкѣ сбыта онъ не заботился: знатоки и любители пейзажа охотно приобрѣтали «Ясновскаго» или на выставкахъ, или въ мастерской, на порогѣ которой гостей всегда встрѣчалъ самъ академикъ. Онъ не держалъ [] прислуги), жилъ въ одиночествѣ. Водовозъ сливалъ воду въ кадку на кухню, дворникъ припасалъ угольевъ и лучину для самовара, все остальное дѣлалъ для себя самъ Ѳедоръ Ивановичъ. Гости онъ недолюбливалъ, но къ посѣщеніямъ своихъ бывшихъ учениковъ относился благосклонно, вступалъ съ ними въ бесѣду по поводу своихъ произведеній, которыми обыкновенно были украшены стѣны квартиры, причемъ не стѣснялся обращаться на «ты», не считаясь съ возрастомъ собесѣдника. Если этотъ послѣдній обнаруживалъ желаніе попить чайку, то хозяинъ посылалъ его на кухню.

— Поди, братецъ, и поставь самоваръ. Уголья лежатъ тамъ-то, спички тамъ-то, вода въ кадкѣ, а на полкѣ увидишь, братецъ, сложенную въ видѣ горокъ березовую кору; это для растопки. Понялъ?

— Понялъ, Ѳедоръ Ивановичъ.

— Ну, такъ поди и распорядись.

Если гостю не хотѣлось пачкаться съ нагрѣваніемъ самовара, тогда хозяинъ соглашался пойти съ нимъ въ чайную, въ трактиръ, и тамъ продолжалась бесѣда объ искусствѣ; проходилъ часъ за часомъ, желудки собесѣдниковъ начинали роптать.

— Что-то ѣсть хочется, Ѳедоръ Ивановичъ, не закусить ли намъ?

— Это ты, братецъ, хорошо надумалъ. Давай поѣдимъ.

— Чего бы вы хотѣли Ѳедоръ Ивановичъ?

— Въ подобныхъ заведеніяхъ, братецъ, выпреннія желанія неумѣстны. Прикажи подать калачей, ну, горячей колбасы или, братецъ ты мой, распорядись касательно яичницы съ ветчиной,—вотъ и все.

И опять бесѣда объ искусствѣ.

— Не подышать ли намъ, Ѳедоръ Ивановичъ, свѣжимъ воздухомъ на бульварѣ?

— Ну, что жъ, братецъ, пойдёмъ.

И опять искусство на устахъ.

— Ѳедоръ Ивановичъ, а портерныя-то еще не закрылись... можетъ, выпили бы по кружкѣ пива?

— И то дѣло. Шагаемъ, братецъ.

— Экая ночь прекрасная!..

— Постой, а тебѣ, братецъ, есть гдѣ ночевать?

— Какъ же! у меня, Ѳедоръ Иванычъ, квартира...

— Ну, то-то! а то, братецъ, милости просимъ ко мнѣ; у меня есть гдѣ переночевать.

Въ знаменитой Третьяковской галереѣ находятся слѣдующія произведенія Ѳ. И. Ясновскаго: «Первый снѣгъ», «Въ Кунцевѣ», «Въ Мазилевѣ» и акварель «Малороссійская хата». Въ картинную галерею Румянцовскаго музея досталось отъ К. Т. Солдатенкова: «Пейзажъ» (помѣченный № 540 по каталогу 1908 г.).

О первомъ посѣщеніи Солдатенковымъ мастерской Ясновскаго стоитъ рассказать.

Звонокъ.

Ѳедоръ Ивановичъ открываетъ дверь. На порогѣ — извѣстный московскій меценантъ.

— Я Солдатенковъ.

— Что же вамъ угодно?

— Вы г. Яновскій? Я хотѣлъ бы пріобрѣсти нѣкоторыя изъ вашихъ художественныхъ произведеній.

— А, очень пріятно. Прошу васъ въ мастерскую.

Тамъ нѣсколько готовыхъ полотентъ; Яновскій предоставляетъ выборъ Солдатенкову, отходя въ сторону; Кузьма Терентьевичъ постоялъ, посмотрѣлъ и намѣтилъ три полотна.

— Я бы, — говоритъ, — не прочь купить вотъ это, это и это. Какова цѣна?

— Оцѣнку моихъ произведеній, — отвѣчаетъ Ясновскій, — я бы хотѣлъ услышать изъ устъ такого знатока, какъ К. Т. Солдатенковъ.

— Тогда я предлагаю вамъ вотъ за эту вещь 700 рублей, за ту 250, а за послѣднюю 300 рублей.

— Что?! 250 рублей за талантливѣйшее произведеніе и 700 рублей за совершенно плохую работу? Прошу васъ удалиться. Вы Солдатенковъ?!

— Позвольте...

— Солдатенковъ! Ме-це-натъ! — и вдругъ... Я прошу васъ немедленно удалиться!

Ясновскій клокоталъ. Солдатенковъ, пожимая плечами, удалился. Однако, знакомство ихъ на этомъ не порвалось. Впослѣдствіи пріязнь соединила художника съ покровителемъ искусствъ.

П. А. Россіевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

